

Дорогой
СКОТТ,
дражайшая
ЗЕЛЬДА

*Любовные письма Фрэнсиса Скотта
и Зельды Фицджеральд*

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ЧАСТЬ I
Ухаживанье и женитьба
1918–1920

Всё хорошее и первые годы...
останутся со мною навсегда

Скотт – Зельде, 26 апреля 1934 г.

Первая встреча Скотта и Зельды произошла в Монтгомери, штат Алабама, родном городе Зельды, в июле 1918 года; похоже, это случилось на танцах в сельском клубе. Зельде, самой популярной девчонке города, только что закончившей школу, в этом месяце исполнилось восемнадцать; Скотту, успевшему поучиться в Принстоне, а теперь пехотному лейтенанту, той осенью исполнялось двадцать два. В автобиографическом романе «Спаси меня, вальс» (1932) Зельда вспоминает, что Скотт, такой красивый в сшитой на заказ униформе от *Brook Brothers*, «благодаря обновкам», когда она в танце прильнула к нему лицом где-то «между ухом и жестким армейским воротничком». Два месяца спустя Скотт отметит в своём «Гроссбухе» событие, определившее всю его дальнейшую жизнь и творчество: «Сент.: 7-го числа влюбился». Тогда же Скотт подытоживает двадцать первый год жизни. В день своего рождения он пишет: «Невероятно важный год. Работа и Зельда. Последний год в католичестве». Определены основные задачи, которые призван решать молодой человек, достигший совершеннолетия, – вопросы призвания, любви и веры.

Скотт, пусть еще во многих отношениях неопытный и незрелый, твердо решает стать «одним из величайших писателей всех времен и народов» (как он заявил своему университетскому приятелю Эдмунду «Зайке» Вильсону) и заполучить лучшую девушку, дабы разделить с ней сказочную жизнь, которую себе вообразил. В годы, проведенные в Принстонском университете, академические штудии отошли на второй план, уступив место жажде общественного признания; сообразив, что так он, похоже, университет никогда не закончит, Скотт в октябре 1917 года пошел добровольцем в армию. В конце концов военная подготовка привела его в лагерь «Шеридан» близ Монтгомери и к Зельде – самой привлекательной, заносчивой и популярной девушке города. Скотт готов был на всё, чтобы стать «самым крутым» среди ее многочисленных поклонников, и решил одержать победу над прочими студентами и солдатами, женившись на столь желанной всеми девушке.

Зельда была помладше, ее тогдашние намерения не столь очевидны, однако она, безусловно, разделяла со Скоттом романтическое ощущение собственного особого предназначения. Для женщин тогда никакая карьера, кроме учительской, не поощрялась. Время ухаживания и замужество давали такой девушке, как Зельда, дочери уважаемого судьи, надежду на успех. Три её старшие сестры, Марджери, Розалинда и Клотильда, уже были замужем; Зельда намеревалась по полной использовать свое положение красавицы юга, насладившись местом в центре всеобщего внимания. Пусть Монтгомери всего лишь маленький провинциальный городок, но он окружен колледжами и переполнен молодыми солдатами

из близлежащих военных лагерей. Война придавала романтическим отношениям куда большую остроту и безотлагательность. Обилие молодежи неизбежно влекло за собой бесчисленные формы развлечений – вечеринки, танцы, спортивные состязания, варьете по пятницам – надо же было их чем-то занять. Вся округа знала утопающий во всевозможных южных цветах парадный вход особняка Сейеров и качели на нем для Зельды и ее кавалеров. Зельда уже заполнила ящик для перчаток предметами мужской гордости – яркими нашивками, которые юные солдаты срывали со своих кителей и вручали ей в знак своей преданности. Вскоре и Скотт добавил в коллекцию свой экспонат. Чтобы произвести впечатление на Зельду, юные авиаторы из «Тэйлор Филд» вытворяли опаснейшие трюки, пролетая над ее домом. С подобными подвигами Скотт соперничал, похваляясь, каким знаменитым писателем собирается стать. Хотя Скотту не пришлось сражаться на фронте, тем летом и осенью, когда он бился за сердце Зельды, оба они, несомненно, верили, что его вот-вот отправят за океан, навстречу вполне возможной гибели. Он продолжал писать, надеясь, в случае смерти, стать американским двойником Руперта Брука, молодого и симпатичного английского поэта, который, погибнув, стал романтическим героем – вечно юным, красивым и многообещающим.

Война, впрочем, кончилась, как раз когда Скотт уже готовился отправиться во Францию. Демобилизовавшись в феврале 1919 года, он отправился в Нью-Йорк, чтобы найти работу и стать прославленным автором *при жизни*, а не после смерти. Он надеялся на работу в газете, но в результате довольствовался низкооплачиваемой должностью в рекламном

агентстве. Он ужасно скучал по Зельде, рассказал о ней своим близким и попросил мать написать Зельде, что она и сделала. После чего, 24 марта, Скотт послал Зельде кольцо, прежде принадлежавшее его матери. Ничто не могло произвести на Зельду большего впечатления. Но хотя ее письма преисполнились восторженными заверениями в любви, жизнь Зельды в Монтгомери почти не изменилась – она кружилась в водовороте светской жизни, включавшей в себя и общение с другими молодыми людьми, о чем подробно писала Скотту. Особенно Зельда любила бесконечные студенческие вечеринки, танцы, а еще начинающиеся в мае актовые дни в университетах, а еще захватывающие футбольные матчи осенними уикэндами... Повседневная жизнь Скотта, напротив, оказалась в полном противоречии с его идеализированными представлениями. Он ненавидел свою работу, страдал от безденежья, а особенно переживал, наблюдая, как ветшает его одежда. И, что еще хуже, его рассказы никто не покупал. Позже, в эссе «Мой невозвратный город» (1932), он вспоминает: «...меня всегда преследовала моя другая жизнь... вечное ожидание ежедневного письма из Алабамы – придет ли оно и что я в нем прочитаю? – мои поношенные костюмы, моя бедность, моя любовь... Я был неудачником – посредственным клерком, у которого никак не получается стать писателем».

Несмотря на неудачи, Скотт оставался весьма продуктивен. Хотя он продал всего один рассказ, весной 1919 года, – «Младенцы в лесу», за который журнал *The Smart Set* заплатил ему тридцать долларов, – однако продолжал свои штудии и написал за ту зиму и весну не менее девятнадцати рассказов.

Все были отвергнуты журналами, которым предлагал их автор; большинство решений, впрочем, потом пересмотрели, и рассказы опубликовали. Хотя Скотт был далек от реальности в своем ожидании немедленной славы – кто, в конце концов, добивается ослепительного успеха в двадцать два года? – его охватило острое ощущение неудачи, тревоги и опустошенности и уже не покидало на протяжении всей жизни. Когда Скотт навестил Зельду в Монтгомери в середине апреля, он был подавлен и не уверен в себе. Зельда в своих письмах старалась успокоить его, но при этом не забывала сообщать обо всех своих развлечениях.

К июню 1919 года их помолвка держалась на волоске. Когда Скотт получил письмо, которое Зельда написала другому поклоннику и случайно положила в конверт, адресованный Скотту, он пришел в ярость и потребовал, чтобы она больше никогда ему не писала. Но получив от Зельды письмо с объяснениями, он тут же отправился в Монтгомери с мольбой о незамедлительной женитьбе. Зельда рыдала в его объятиях, но ответила отказом и расторгла помолвку. Скотт вернулся в Нью-Йорк с ощущением полного краха как в литературе, так и в любви. Он писал товарищу: «Я сделал все, что было в моих силах, и потерпел поражение – для меня это величайшая трагедия, и мне, похоже, просто не для чего жить... Если в один прекрасный день она не выйдет за меня, я не женюсь никогда». Он бросил работу, три недели пьянствовал, после чего вернулся к родителям в Сент-Пол и приступил к переработке «Романтического эгоиста», романа, отвергнутого в 1918 году издательством «Сыновья Чарльза Скрибнера». За эти два с небольшим месяца Скотт и Зельда

писем друг другу не писали. Но когда 16 сентября 1919 года *Scribners* принял его роман, названный теперь «По эту сторону рая», Скотт тут же снова написал Зельде и собирался поехать в Монтгомери; пара вскоре возобновила помолвку. Последовала масса писем и поездок в Монтгомери, и, наконец, Зельда и Скотт поженились в апреле следующего года, всего через год после того, как Скотт впервые послал Зельде помолвочное кольцо.

В своем воображении Скотт добавлял овладение Зельдой к своему материальному успеху, таким образом отождествляя неразлучную пару его творчества – любовь и деньги – с собственной жизнью. Обратившись позже к лету разорванной помолвки в эссе «Склеивая осколки» (*Pasting It Together*, 1936), он пишет: «То была несчастная любовь, из тех, что обречены по причине безденежья», и хотя он стал «человеком, у которого забренчали монеты в кармане», хотя в конце концов он «женился на этой девушке», он никогда не доверится ни деньгам, ни любви – тем составляющим жизни, к которым его больше всего тянуло. А вот Зельда, напротив, вся отдалась чарам любви. Ее письма того периода опровергают два устойчивых, но вводящих в заблуждение мифа, касающихся брака со Скоттом: во-первых, что Зельда не вышла бы за него, не пояись у жениха деньги, а во-вторых, что одной из причин ее интереса к Скотту было страстное желание уехать из маленького провинциального городка в полный соблазнов Нью-Йорк. Действительно, у родителей Зельды были определенные сомнения относительно брака их дочери с молодым человеком без надежных перспектив, но сама Зельда неоднократно заверяет Скотта, что именно *любви*, а не денег жаждет она от

жизни. Хотя они возобновили помолвку после того, как издательство *Scribners* приняло его роман, однако пока его не опубликовали, так что неизвестно было, принесет ли он деньги. Как только они возобновили помолвку, Зельда с нетерпением ждала, когда переедет к Скотту в Нью-Йорк, однако ее воодушевление было вызвано возможностью оказаться рядом со Скоттом, а не возможностями, открывавшимися в так называемом «блистающем городе». Зельда любила Монтгомери, в особенности тамошние прекрасные цветы, и понимала, как ей будет не хватать привычного образа жизни.

Эти письма не только ставят под сомнение мифы, но и рисуют яркий портрет восемнадцатилетней Зельды – дерзкой и кокетливой девушки, чью жизнь переполняли друзья, розыгрыши и вечеринки. Ее послания дают понять, что хотя она верила, будто вечно досаждающая ревность является важным обрядом ухаживаний, но совершенно не ощущала, что проявляет неверность по отношению к Скотту, встречаясь с другими мужчинами; становится ясно также, что она не испытывает ни малейших сомнений, рассказывая ему обо всем этом. Вдобавок к рассказам Скотту о бесконечном потоке дружеских свиданий, она излагает свои идеи о жизни и любви – что женщины предназначены быть «будоражающим элементом среды» мужчин и пусть она любит представлять вся такая «эмоциональная и беспомощная», мужчины, считающие ее «чисто декоративной», сами «глупцы, ибо не видят большего» (письма 16 и 28). Скотт, обладавший волшебным чутьем на слова, спокойно заимствовал пассажи из этих писем для своих сочинений.

События и письма этого периода предвосхитили конфликты, что будут сопровождать всю совместную

жизнь Фицджеральдов. Движущей силой, без сомнения, стала ревность. Согласно биографу Фицджеральда Артуру Майзенеру, когда Скотт и Зельда начали встречаться, она назначила другое свидание в освещенной телефонной будке и устроила там целый сеанс страстных поцелуев, закончившийся ее словами: «Скотт подошел, и я хотела, чтобы он приревновал». Как предполагают Скотт Доналдсон и другие, одна из причин, заставивших Скотта обратить внимание на Зельду (как и на предыдущих его подружек, таких как светская львица из Чикаго Джиневра Кинг) заключалась именно в большом количестве поклонников. Для того, чтобы стать «самой крутой девчонкой», которую он желал, ей следовало быть популярной и у других мужчин. Однако когда Скотт попробовал сыграть в ту же игру и написал ей из Нью-Йорка, что нашел некую девушку весьма привлекательной, Зельда поняла, что он блефует, и разрешила ему поцеловать девушку – ответ, перевернувший ситуацию с ног на голову и заставивший Скотта еще больше переживать о том, что может Зельда вытворять в Монтгомери. Обращаясь к тем временам в «Раннем успехе» (1937), Скотт вспоминает, что некоторые его приятели были «помолвлены с “разумными” девушками», но, замечает Скотт, «не я – я-то влюбился в ураган и вынужден был сплести сеть, достаточно большую, чтобы укротить его...» Величайший парадокс их любовных отношений состоит в том, что черты, которые привлекали друг к другу эту пару, одновременно рождали хаос и конфликты, сопровождавшие их жизни. Ревность, столь игривая и веселая в период ухаживаний, начинает играть куда более разрушительную роль в их супружестве, алкоголь, который кажется юным

безобидной составляющей обряда посвящения, постепенно становится гибельным мороком, неотступно следующим за ними по пятам.

Вдобавок к ревности и алкоголю как дестабилизирующим факторам в их отношениях, каждый обладал ярко выраженной индивидуальностью, противоречивой и непоследовательной. Распад личности Скотта досконально изучен и многократно описан. Его современник Малькольм Каули проницательно замечает, что Скотт обладал «двойным видением», имея в виду его способность от всей души предаваться распутству, несмотря на глубоко укорененное в нем пуританство. Подобные мысли Скотт вложил в уста Ника Каррауэя в «Великом Гэтсби». «Я был и в рамках, и за ними, – утверждает Ник, – одновременно очаровываясь и противостоя неисчислимому многообразию жизни». Такое двойное видение не только помогло Скотту стать большим писателем, но и сделало его символом материальных излишеств и морального разложения двадцатых годов, в то время как его произведения стали пророческим приговором эпохе. Однако личность Зельды в аспекте ее противоречивости не была должным образом осознана или проанализирована.

Наилучшим образом Зельда описала свою собственную двойственную личность в «Спаси меня, вальс», сообщив там, что «очень трудно быть двумя людьми одновременно, одной, которая сама по себе, а другая, что хочет... быть любимой и защищенной, и опекаемой». Хотя Зельде, пишущей роман, уже исполнилось тридцать, она вспоминает девчонку, которой была когда-то, и ту раздирающую тягу и к подчиненности, и к независимости, которая также всплывает в письмах, написанных ею в восемнадцать и полных

страстными признаниями в любви, выраженными волевой, энергичной девушкой, которая, тем не менее, в пылу любви страстно желает воедино слиться с возлюбленным. Подобное выражение своих чувств наряду со столь же страстной тягой к независимости также представляют более глубокий аспект индивидуальности Зельды, тот, что вновь проявится в ее письмах 1930-х годов, где она колеблется между героическими усилиями утвердиться как писатель (и таким образом обрести экономическую независимость) и глубокой благодарностью Скотту за постоянную поддержку, в которой она так нуждалась.

Увы, письма Скотта Зельде того периода не сохранились. Остались только срочные телеграммы, которые он посылал Зельде (она вклеивала их в альбом), сообщающие о многочисленных посещениях Монтгомери, которые он спешно планировал, опасаясь, что если его не будет поблизости, девушку завоюет другой поклонник. Скотт выразил свое мнение о ней в письме другу, написанном в феврале 1920 года, прямо перед женитьбой. Он признается: «Мои друзья столь единодушны в откровенных советах не жениться на такой необузданной любительнице удовольствий, как Зельда, что я уже к этому привык». Невзирая на подобные предостережения, Скотт в том же письме ясно выразил свое понимание ее характера и свою привязанность к ней:

«Ни одна столь сильная личность не может избежать критики, и, как ты говоришь, она не избежала всего вышеупомянутого. Я это всегда понимал... но... я влюбился в ее неустрашимость, в ее искренность, в ее пылкое самоуважение, и во все это я бы верил, даже если бы весь мир предался диким подозрениям, что она не такая, какой ей надлежит быть.

Но, разумеется, истинная причина... в том, что я люблю ее, и в этом начало и конец всего».

Как ни велика утрата писем Скотта времен ухаживания, возможно, есть и некоторые преимущества в том, что письма Зельды оказываются как бы сами по себе. Мы так много знаем о Скотте из его опубликованной корреспонденции, из самоанализа в его проницательных эссе, объединенных в сборнике «Крушение» (*The Crack-up*), из бесчисленных биографий и научных трудов, посвященных его жизни и его работе. С другой стороны, Зельда слишком часто представляла культурной иконой, представленной в ряде женских образов: прежде всего, необузданной южной красавицы, а еще законодательницы мод двадцатых годов и, в конечном счете, умалишенной (еще один миф, о чем свидетельствуют ее поздние письма). В этих письмах Зельда предстает удивительно жизнерадостной и четко выражающей свои интересные и оригинальные мысли молодой женщиной, которой есть что сказать.

1. Зельде
[Август 1918 г.]

Рукопись, 1 стр. Альбом;
Переписка.
Штаб 67-го [полка]
[Лагерь] Шеридан
[Монтгомери, Алабама]

Зельда:

Вот упомянутая глава... свидетельство юношеской
меланхолии...¹

Как бы то ни было, героиня походит на тебя во
многих смыслах...

Вряд ли стоит добавлять, что сия глава и ее по-
сыл – это события исключительно для тебя од-
ной... – Не показывай ни мужчине, ни женщине, ни
ребенку.

Я сегодня ужасно скучаю –

С нетерпением
Ф. Скотт Фиц

---

¹ Скотт послал Зельде главу из его романа «Романтический
эгоист» тем летом, когда они познакомились. Хотя в том же
месяце (август 1918-го) *Scribners* вернуло Скотту рукопись,
Максвелл Перкинс, который станет его первым редактором,
написал Скотту ободряющее письмо с предложением при-
слать переработанный роман.

2. Зельде

Телеграмма. Из альбома

ШАРЛОТТ, СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА 122 АМ
ФЕВР. 21 1919

МИСС ТЕЛЬДА ФЕЙР¹

ОПЕКАЕМОЙ ФРЕНЕСОМ СТАББСОМ²

ОБЕРН АЛАБАМА

ТЫ ЗНАЕШЬ ЧТО Я В ТЕБЕ НЕ [СОМНЕВАЮСЬ?]
ДОРОГАЯ

СКОТТ

1103 АМ

3. Зельде

[После 22 февраля 1919 г.]

Телеграмма.

Из альбома

[Нью-Йорк Сити]

МИСС СЕЛЬДА СЕЙЕР

6 ПЛЕЖЕНТ АВЕНЮ МОНТГОМЕРИ АЛАБАМА

ДОРОГАЯ МОЯ ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ ВООДУ-
ШЕВЛЕНИЕ И НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ Я ПРОВОЗГЛА-
ШАЮ ВСЕ Я ПРОВОЗГЛАШАЮ ВСЕ СЛАВНЫМ ЭТОТ
МИР ИГРА И ПОКА Я УВЕРЕН В ТЕБЕ ЛЮБИМАЯ ВСЕ
ВОЗМОЖНО Я В СТРАНЕ ЧЕСТОЛЮБИЯ И УСПЕХА
И МОЯ ЕДИНСТВЕННАЯ НАДЕЖДА И ВЕРА В ТОМ
ЧТО МОЯ ДОРОГАЯ ВСКОРЕ БУДЕТ СО МНОЙ.

---

¹ Все телеграммы в книге воспроизведены в том виде, как они были пересланы телеграфом. Ошибки, как здесь в имени Зельды, не были исправлены.

² Фрэнсис Стаббс, с которым встречалась Зельда, был одной из звезд футбольной команды Обернского университета. Скотт, демобилизованный из армии, по дороге в Нью-Йорк телеграфировал Зельде, которая находилась в Оберне со Стаббсом. Возможно, выражая таким образом доверие к ней, он надеялся на ответную верность.

4. Скотту
[Февраль 1919]

Подписанная рукопись, 3 стр.
[Монтгомери, Алабама]

Любимый –

Утром я отправилась в школу и задвинула весьма познавательный доклад о Браунинге. Я, разумеется, отлично подготовилась, прочитав примерно пару стихотворений. Тем не менее, класс был в восторге, и я с почетом удалилась – я бы уж ни о чем не думала, кроме завтрашних уроков и сегодняшнего обеда – я бы ощущала себя абсолютно бесцельной, когда б не ты, – и я знаю, что и тебе меня не хватает – эта чертова школа так угнетает –

Полагаю, тебе известно, что с таким беспокойством ожидаемое послание твоей Матери наконец-то прибыло, – я действительно очень рада, что она написала, – просто любезная записочка – неперево-димая, но она обращается ко мне «Зельда» –

Любимый, пожалуйста, не беспокойся обо мне – я хочу всегда быть для тебя поддержкой – ты знаешь, что я принадлежу тебе целиком и люблю тебя всем сердцем. Физически – я склонна преувеличивать собственную сильфидность – так бы хотелось быть 5 футов 4 дюйма – Может, добьюсь этого плаванием. Завтра разбиваю лед – уже чувствую холод. Но протока восхитительно чиста, а мы с солнцем разгорячимся –

Вчера вечером небольшая толпа любителей розыгрышей отменила разговоры с Университетом, Севани и Оберном¹ – они делали звонки, которые должны

---

¹ Звонки с розыгрышами знакомым ребятам, учащимся южных колледжей – Алабамского университета в Таскалусе, Университета Юга в Севани, штат Теннесси, и Обернского университета в Алабаме, – были неотъемлемой частью молодежных развлечений, как футбол и вечеринки.

были оплатить получатели, по всем Соединенным Штатам, и я едва отговорила от того, чтобы связаться с Нью-Йорком – это была бы хорошая шутка, но какая-то бессмысленная –

Дорогой – возлюбленный – сам знаешь –

Зельда

5. Скотту
[Март 1919]

Подписанная рукопись, 7 стр.
[Монтгомери, Алабама]

Дорогой, я еле высидела сегодня в «Стрэнде», и все потому, что У. Э. Лоуренс¹ из Фильма внешне твоя точная копия. В общем, мне об этом сообщили полдюжины девчонок, прежде чем я нахлобучила шляпку, чтобы убедиться собственными глазами – Он вверг меня в тоску – Поначалу я думала, что со временем боль ожидания притупляется – но я с каждым днем хочу тебя все больше –

Все эти нежные теплые вечера проходят впустую, ведь я должна возлежать в твоих объятиях под лунной – самых дорогих объятиях в этом мире – в родных руках, что я так люблю ощущать на себе – Сколько же еще – прежде чем они останутся там навсегда? Когда я снова буду дома, тебе придется ужасно потрудиться, чтобы отодвинуть меня хоть на один дюйм от себя –

Я рада, что тебе понравились те снимки² – Я хотела, чтобы они служили картами твоих владений – самый лучший будет готов для тебя – в понедельник – но

---

¹ Актер, сыгравший с 1912 по 1947 гг. в шестидесяти семи фильмах; в 1919 году это «Девушка-женщина», «Девушка Калеба Пайпера» и «Простая смертная» (Common Clay).

² Зельда послала Скотту свои фотографии.

если ты останешься таким льстецом, у меня голова распухнет, так что перестанет быть на себя похожа – В любом случае, у меня появляются мириады морщин, когда я думаю, как отвечать на записку твоей Матери – Я до смерти боюсь показаться нахальной или самонадеянной, или легкомысленной – Большинство из тех, с кем я переписывалась, были парнями, так что я в полном недоумении – теперь, в час нужды – и вправду кажется, будто это мое первое письмо, обращенное леди – это просто душераздирающе – мои немыслимые усилия – не сплю ночами напролет – О боже!

Старый поклонник из каменного века взывает в ночи – Наверняка он уйдет недовольный, потому что я просто обязана говорить о тебе – так я люблю тебя, и *такое* чувствую одиночество –

Тильда¹ уезжает завтра в 6 утра – кажется, будто и я должна ехать – Уверена, она не жаждет уехать и наполовину так, как я – О, Любимый, возлюбленный мой – и очень скоро – я приеду к тебе, потому что ты мой дорогой муж, а я

Твоя Жена

6. Скотту
[Март 1919 г.]

Рукопись, 8 стр.
[Монтгомери, Алабама]

Это самые очаровательно лунно-сияющие вещички на свете² – в них я ощущаю себя словно с обложки *Vogue* – Как жаль, что ты не можешь до нее дотронуться – Но я уверена, что не удержусь и выйду в ней на

---

¹ Клотильда, третья из трех старших сестер Зельды, замужем за Джоном Палмером; она должна была присоединиться к нему в Нью-Йорке.

² Скотт послал Зельде в подарок шикарную пижаму.

улицу – Может кто-то принести завтрак в постель, засунув его в карман? Кое-кто вечно набивает карманы печеньем – да еще с маслом! Вот что ждало меня, когда я сегодня вернулась домой из Сельмы – Что же это? На ощупь словно облако, а смотрится как мечта – Спасибо, дорогой –

Есть в Нью-Йорке пара-тройка симпатичных мужчин, и такой вот ожидает меня около 11-го – так что я еду. В пути – Я, наверное, прибуду с большой компанией, собранной по дороге, но когда меня встретит мой муж, вся эта свита растает, и я растаю в его объятиях – и мы будем жить долго и счастливо – неважно уж где.

В Сельме играли «Мою маленькую солдатку», так что я со своим спутником присутствовала на репетиции. Я немного поучила хор слинговать [свинговать?] и заслужила тем самым благодарность импресарио – А вот бассейн, куда я *индивидуально* хожу плавать, *оказался закрыт* –

В жизни смысла нет –
Только умереть
Тухлый пирог нет –
Смысла есть
Нет смысла в поцелуе –
Скажешь ты
Смысла нет ни в чем –
Черт возьми!

На самом деле тебе не обязательно говорить, как возбуждают тебя короткие волосы – и это после того, как я купалась в Вазелине, чтобы волосы стали длинными, по твоему хотению, и отчего они потемнели – Но они все равно не выросли, так что я и вправду рада, ты начинаешь смиряться с тем, что мне удобно – Я по-прежнему думаю, как приятен *был бы* на ощупь

мой затылок – Но затем я вспоминаю «Любовника Порфирии», и между этими мыслями мне удается сохранять подобие здравомыслия¹ –

Дорогой, мне кажется – я уверена, – Мама знает, что мы когда-нибудь поженимся – Но это не мешает ей оставлять на моей подушке рассказы о молодых писателях, напоследок оказавшихся в темной и бурной ночи – Не лучше ли было написать моему Папе – прямо перед моим отъездом – хотела бы я быть подальше от всего этого – сортировщицей без родственников. Не то, чтобы я их так уж *боюсь*, но они *могут* быть такими противными относительно того, что я собираюсь сделать –

Но ты знаешь, что мы это сделаем, мой Любимый – когда ты будешь готов – твоя смешная маленькая сортировщица штанов приедет домой – чтобы ты смял ее в самых любимых из всех мне известных рук – надеюсь, ты сожмешь меня так сильно, что я и сама сморщусь, как те штаны, – вот на что я надеюсь –

Не пойму, как ты можешь выносить столько любви, от меня исходящей –

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА

---

¹ «Любовник Порфирии» (Porphyria's Lover) – стихотворение Роберта Браунинга (1836), где рассказчик в порыве страсти душил возлюбленную ее же собственными волосами, чтобы навечно сохранить момент совершенного счастья – *прим. ред.*